

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Публицистика. Даниил Александрович Гранин

Жизнь – осуществление самого себя

– Даниил Александрович, у Вас есть удивительный талант – своими публикациями зачинать какие-то движения в обществе. Так было с «Милосердием», с «Этой странной жизнью». То есть Вы какую-то мысль забросили, и она пошла вариться, и люди ею прониклись. Интересно было бы узнать – какие после выхода первого издания «Этой странной жизни» были отклики, какие были последствия, которые Вы могли видеть, наблюдать?

– Во-первых, было много писем, в которых люди спрашивали о подробностях этой системы, и было видно, что им это интересно.

– Именно в техническом плане?

– Да, в техническом, в технологическом. Второе – были вопросы, которые сводились вот к чему: не засушивает ли эта система человека, не является ли она системой, при которой человек становится ее рабом, не лишает ли полноты жизни? Третья группа вопросов – дай бог памяти, была такой: является ли эта система возможной для человека, у которого нет большой темы или большой цели в жизни? То есть годится ли она для обычной, повседневной деятельности? Кроме того, были частные вопросы, касающиеся судьбы Любичева: как он жил, где его родственники, архив. Ведь его архив до сих пор еще не полностью опубликован, он достаточно велик. Опубликована часть его переписки, философские работы.

– Вы назвали тему: «Не засушивает ли система человека?» У нас с самого начала деятельности сайта появились такие вопросы: приложима ли эта система к широкой русской душе? Мы народ увлекающийся, размашистый, а здесь такое немецкое параллельно-перпендикулярное структурирование.

– Я думаю, что смысл здесь как раз обратный. Дело в том, что и немцы, и американцы – если хронометрировать их жизнь – тратят массу времени на вещи малозначительные или ненужные. Вот, в частности, Тимофеев-Ресовский такой был...

– Очень хорошо известная в нашем сообществе фигура!

– ...Он всегда говорил, что немец – а он жил и работал в Германии, хорошо знал тамошнюю научную публику, – вместо того чтобы заниматься общими представлениями о проблеме, массу времени тратит на частности, на достижение какой-нибудь там шестой цифры после запятой, теряя принципиальные вещи, упуская из виду общую проблему. Вообще, я думаю, что проблему времени, проблему системы Любичева следует решать в комплексе той задачи, во имя которой эта система применяется. Сама по себе она, конечно, достаточно обременительна. Сейчас, как я понял из ваших слов, она интересна менеджерам, которые хотели бы больше успевать. Наверное, она в данном случае выступает больше как вспомогательное средство и в таком качестве, скорее всего, поможет. Но тогда она будет применительна только к чисто деловым вещам, в то время как для Любичева она была вообще связана с ценностью всей жизни. То есть она предусматривала для него не только решение каких-либо теоретических задач, но была связана и с гуманитарной составляющей – с литературой, музыкой, театром. Этот комплекс вещей он считал необходимым для себя, очевидно не разделяя свою жизнь по принципу «здесь дело, а здесь все остальное».

– Получается, это не только система достижения результатов в плане работы, а вообще система проектирования жизни.

– Я считаю, это скорее система отношения к времени своей жизни. Вот, нам отпущено какое-то время судьбой или Господом – смотря кто как считает. Вопрос в том – как мы его расходует? Мы вроде бы ценим свою жизнь, но это чисто абстрактно сказано. Мы ценим жизнь как биологическое состояние или как время деяний, как осуществление самого себя?

– У Вас в книге, в самом конце, есть размышления о долге человека по отношению к своему времени, как некоторой этической рамке, которую на него накладывает конечность времени жизни. Каков, на Ваш взгляд, источник этого этического долга?

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Человек может сказать: «Почему я, собственно, должен относиться ко времени именно так – внимательно, вдумчиво, осмысленно?»

– Это непростой вопрос. Он восходит к вечному вопросу о смысле жизни. Есть ли вообще какой-то смысл в жизни? Если считать, что нет никакого смысла жизни, она бессмысленна, поскольку будет перечеркнута смертью, – то тогда нет никакого долга перед временем. Но если считать, что жизнь имеет какой-то смысл – например, она дарована Творцом, каким-то провидением тебе, или если верить, что жизнь входит в общее существование человечества, которое, может быть, имеет какой-то смысл, связанный с любовью, желанием оставить какой-то след, – то, может быть, какой-то смысл жизнь имеет. Но это вопрос, конечно, спорный, и вряд ли кто-нибудь сможет дать на него однозначный ответ. Скорее, каждый может попытаться найти этот ответ для себя сам.

– В связи с поиском смысла возникает вопрос, условно говоря, прикладной философии. Когда человек, например, начинает себе ставить цели, у него закономерно возникают вопросы: «Почему я ставлю именно такие цели?», «Почему я хочу быть именно таким?», «А зачем я вообще живу?» Могли бы Вы дать какие-то ориентиры по технологии поиска смысла жизни? Что посоветовать человеку, который его ищет? Обращаться к философам, к художественной литературе, искать еще какие-то пути?

– На этот вопрос можно дать только весьма относительный ответ, не абсолютный. Если обратиться к истории философии, литературы, этики – мы не найдем ответа, который устраивал бы всех. Есть вещи, которые придают жизни какой-то видимый смысл. Творчество, научная любознательность, любопытство... Почему? Как устроен мир? Почему возникают те или иные явления в жизни? А как устроен человек? Что такое совесть? Что такое добро, альтруизм? И так далее. Есть вопросы, которые озадачивают, но нет ответов.

– Мой вопрос касался как раз не столько тех, кто пытается отвечать, сколько тех, кто пытается озадачить. Вы могли бы по пальцам перечислить, например, пять авторов, которые лучше всего озадачивают человека, ставят вопросы о смысле жизни? Появляются ли в последнее время такие книги?

– Конечно, такие книги есть. Вот недавно выступил японский философ – не помню какой – о том, что пришел конец истории. Какие вопросы это ставит перед человечеством, перед отдельным человеком? Или, к примеру, наш ученый, известный генетик Эфроимсон, у него недавно вышла книга о природе гения. С чем связано появление гения? Далее он же выступил с вопросом: «Что такое альтруизм? Откуда он берется?» Так что таких вопросов множество. Или, например, сегодня физика и астрофизика говорят: Вселенная – результат творения. Все физические постоянные – масса протона, электрона, постоянная Планка и тому подобное, которые имеют строго арифметическую величину. Если там изменить что-нибудь в пятом, шестом, десятом знаке, то уже жизнь в этом мире существовать не сможет. Откуда такая точная подборка? Почему мир подогнан в точности так, чтобы в нем мог существовать человек?

– Это интересный подход – попытаться осмыслить себя в свете какой-то «космической», глобальной информации. А если перейти от глобального, вселенского подхода к вопросам, которые касаются конкретного отдельного человека? На что Вы здесь советуете обратить внимание человеку, который ищет смысл? Какими вопросами, проблемами себя озадачить, чтобы не остановиться в развитии?

– Например, проблема совести. Откуда она? Зачем она человеку? Она ведь мешает человеку жить, от нее пользы никакой. Ее природа непонятна, но совесть реально существует. Или что такое душа? Существует она или не существует? Существует она в виде материальных каких-то вещей, или это просто понятие такое – «душа»? Если это понятие, можно и не считаться с ним. А если реально существует, то нужно как-то считаться. И так далее.

– Вы упомянули Тимофеева-Ресовского. В «Зубре» Вы пишете о том, как он подходил к проблемам, сколько он сделал. Насколько и как мы можем перенять черты, подходы, методы таких людей? Насколько человек может быть или стать сильным интеллектуально, морально? Это в него вложено изначально? Или он сам может стремиться к высокой планке?

– Я думаю, есть два ответа на этот вопрос. Есть ярко выраженный талант или

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
призвание, тут все понятно. И существуют люди, имеющие честолюбие, они ставят себе задачи, в частности – непосильные. И они во имя этой задачи начинают действовать и поднимаются на этом, вырастают. Чем более велика задача, тем сильнее она помогает человеку подняться над собой. А ведь человек может гораздо больше, чем ему кажется. Я сталкивался с ситуациями, когда человек средних способностей совершает замечательные открытия, потому что сама задача дает ему силы.

– Вы сказали про призвание – это важная и сложная тема в вопросе личного времени, личной стратегии. Как понять – где моя ниша, моя область, стезя? Насколько я знаю, у Вас тоже был такой момент, когда два пути расходились – научный и писательский, и Вы выбрали писательский. Вы могли бы что-то посоветовать человеку – как раскрыть свое призвание?

– Я убедился – большинство людей не успевают узнать себя, свой дар, свои способности. Человек всю жизнь служит, выполняет свою работу – менеджера, строителя, журналиста. А на самом деле у него совершенно другие способности. Может быть, он великий летчик или великий врач? Как раскрыть свои способности – это проблема, которая стоит перед человеком и человечеством в целом. Если бы каждый мог узнать – на что он годится, это было бы величайшим благом. Каждый человек был бы счастлив, если бы почувствовал это и смог себя осуществить. Думаю, что, во-первых, надо прислушиваться к себе. У каждого человека есть какие-то неясные призывы, симпатии, тяга к чему-то. Но люди часто боятся им поверить. Почему я сам пошел на инженерно-энергетическую специальность? Отчасти – романтика тех лет, отчасти – влияние родителей и практические соображения, ведь это была возможность зарабатывать, содержать семью.

– Здесь еще возникает вопрос: как человеку отделить свою самость от того, что навязывает ему социум?

– Всегда присутствует момент практический, материальный, против которого трудно идти, это всегда риск. Может быть, придется жить труднее, беднее или какое-то время испытывать трудности. Но нужно прислушиваться к тем сигналам, которые подает душа.

– А Вы не могли бы привести пример, когда человек вот так пошел за своим призванием наперекор всем здравым соображениям и победил?

– Да хотя бы себя могу привести в пример. Я окончил политехнический институт, работал по специальности, добился успехов, пошел даже в аспирантуру. Мне наука давалась, я вполне мог бы сделать научную карьеру. Сейчас был бы, наверное, доктором наук, профессором. Но я уже тогда по ночам писал книги, и настал момент, когда я решил уйти. Куда? А никуда. У меня не было никаких ни связей, ни образования. Но я решил все-таки рискнуть, перешагнул свой страх. Слава богу, меня поддержала моя семья. Я ушел в рискованное «никуда» и потом ни разу не пожалел об этом.

– В связи с такими рискованными шагами возникает вопрос – как, по-вашему, вообще должна выглядеть жизнь человека? Плавное поступательное движение или скачки? Сейчас на Западе все чаще говорят о второй карьере, когда человек, например, в 40 лет радикально меняет вид деятельности, желая проявить другие составляющие своей личности, – уходит, например, руководить благотворительным фондом или пастором становится.

– Японские поэты в древности делали такие вещи – они меняли имя. Полный разрыв с прошлым. Представляете, что вдруг Маяковский начал писать свои стихи под именем Никифоров? Это требует большой смелости. Но такие вещи должны быть оправданны, они должны иметь смысл. Если это только для того, чтобы изменить специальность, попробовать себя в других видах деятельности. Это напоминает какой-то спортивный подход к жизни, возможно – проявление тщеславия.

Или это поиски самого себя? Но вообще, я думаю, жить надо вглубь, а не вширь.

– В своей автобиографии Вы пишете, что смотрите на свою жизнь, а там – три разных человека, и они друг другу не понравились бы, если бы встретились. С чем это связано?

– Я думаю, что эта проблема существует у каждого. Меняется человек, и прежний

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru может оказаться совсем другим, чем его представления о нем. И эти встречи чрезвычайно опасны. Допустим, если Вы встречаетесь с собой, например, с 15-летним, может оказаться, что Вы мечтали совсем о другом человеке – и Вы глубоко разочарованы. А может, наоборот, восхищены.

– Как поймать такой качественный скачок? Как почувствовать, что настал перелом в жизни и пора что-то менять?

– А откуда у Вас такое рациональное отношение к жизни? Вы знаете, что Вы хотите от своей жизни? Вы идете туда, куда хотите? А раньше Вы шли туда же? Какая траектория – прямо или петляете?

– Это похоже на артиллеристов – есть какая-то полярная звезда, и мы к ней последовательными приближениями движемся – по пути можем петлять, но звезда остается.

– В вилку берете?

– Да, именно так! Но вот еще вопрос, который здесь возникает – как быть, если человек не хочет делать ставку на полный рационализм, планировать свою жизнь – в 30 лет я буду тем-то, в 40 – тем-то.. Что делать человеку, который хочет не пропустить, поймать призыв жизни и адекватно на него отреагировать?

– Это очень трудно. Думаю, нужно не фальшивить в этой жизни, не врать самому себе, ясно отдавать себе отчет, где у тебя начинаются компромиссы, – и быть самим собой.

– Не может ли система Любичева помешать быть самим собой, когда ты рационально строишь свое время, ставишь цели?

– Не думаю. Например, Любичев поставил себе грандиозную задачу, и эта задача поглотила его настолько, что он не мог позволить себе отступить от нее, но в то же время и от самого себя. В этом смысле он был совершенно естественным человеком и, несмотря ни на что, жил, писал и действовал так, как он считал нужным. Его переписка поражает независимостью мысли. В то время это было очень трудно – этот пресс агитации, идеологии.

– Вы видели людей, которые применяли систему, пытались строить свою жизнь? Насколько велико здесь различие между технарями и гуманитариями? Обычно считается, что гуманитарии с большим трудом поддаются организации, планированию.

– Думаю, тут нет никакой разницы. Я, допустим, знал писателя Симонова, который умел работать в любой обстановке планомерно и эффективно. Хотя, когда человек очень талантлив, он живет не по нашим правилам. Он не сам делает, ему диктует кто-то.

– То есть важно не столько запланировать, сколько не пропустить?

– Да, гений скорее слушает и просто записывает. Поэтому обычные мерки планирования здесь неприменимы. Например, Ландау – гуляет, говорит, шутит, рассказывает анекдоты. И вдруг покидает компанию, начинает что-то записывать. Но тут важно то, что он ставил себе задачу, и его мозг, его сознание занимались ею, независимо от окружающей обстановки. Это особое свойство человеческого таланта – работать независимо от внешнего состояния. Хотя есть гуманитарии, которые много сделали, многого добились именно благодаря организации и планомерности своей работы.

– Вы можете привести пример, когда лично Вам помогли методы организации времени? Из системы Любичева или какие-то другие?

– Систему Любичева я никогда не применял. Но она все-таки оказала на меня свое действие. Я понял – как можно жить, как можно было бы жить. Это воспринималось как молчаливый внутренний призыв. И я стал гораздо бережнее относиться ко времени и болезненнее – к разным нелепым способам времяпрепровождения, к убийству времени.

– То есть значение не столько технологическое, сколько мировоззренческое?

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Да. И я считаю мировоззренческое важнейшим.

– Как Вы видите будущее развития этой темы у нас в стране? Не потеряны ли мы в этом плане, есть ли перспективы?

– Самое первое, что приходит в голову, – в нашем совершенно чудовищном бюрократизме мы ворует человеческую жизнь. Мы ворует время у каждого человека. Люди часами сидят в приемных, в больницах и т. п. Это безобразно. Жизнь состоит из часов и минут, которые теряются безвозвратно. Это – преступление, которое непрерывно совершается и которое должно быть наказуемо. Но человек должен приспособливаться к этим жестоким условиям. Я не уверен, что вашему сообществу можно поставить задачу бороться с этой машиной. Но можно учить человека жить в условиях этой машины, экономить свое время, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства.

– И в заключение – Ваши пожелания нашему таймменеджерскому сообществу?

– Я не очень люблю такого рода вопросы – пожелания, призывы. Но я могу сказать вот что: я очень рад, что такое сообщество, как ваше, появилось, существует, что его что-то интересует, занимает, мучает. Это очень хорошо, это дает надежду.

Беседу вел Г. Архангельский
2002

Наша планка

С Даниилом Граниным мы встретились на юбилейном, десятом фестивале «Литература и кино» в Гатчине. Среди фестивального шума было нелегко уединиться, чтобы побеседовать. В последнее время наши разговоры с Даниилом Александровичем были обрывочны, на ходу, то это Московская книжная выставка-ярмарка, то его рабочий приезд в столицу... Да и разговаривать Гранина нелегко. Один из старейших писателей России не откликается на стандартные вопросы типа: «А что вы думаете...» И все-таки разговор начался традиционно, но потом, как это бывает с Даниилом Граниным, вырвался из приличествующих жанру интервью берегов и пошел вольно...

– Даниил Александрович, как Вам сейчас работается?

– Хорошо, но трудно. И это хорошо, что трудно. Лишь бы не погибнуть на этом.

– Что сейчас в чернильнице Гранина?

– Не скажу!

– Бойтесь сглазить?

– Я очень суеверный человек.

– И тем не менее в наших беседах последних лет Вы не таясь рассказывали и про книгу о страхе, и про свою работу о Петре Великом...

– Потому что тогда эти книги уже были написаны.

– У Вас остается время читать других авторов?

– Кое-что интересное, читаю.

– Современную литературу или по работе?

– Не знаю, как сказать. Вчера, например, читал новую большую книгу Льва Александровича Вознесенского. Это племянник того Николая Вознесенского, который был уничтожен во время «Ленинградского дела». Книга мне очень интересна – о заговоре Маленкова и Бери, как вели себя в этой ситуации Сталин, Молотов, Булганин, о всех хитростях и ходах, ужасе и трагедии «Ленинградского дела»...

– Вы с темой своего «Зубра» окончательно расстались? Ведь, наверное, читатели до сих пор пишут Вам о нем, выходят новые материалы о Тимофееве-Ресовском...

– Стоп! Теперь я хочу спросить: Вас самого-то, лично, так сказать, что в литературе интересует?

– То, о чем спрашиваю, интересует... А сам по себе занимаюсь современным фольклором, нашей речевой культурой.

– Очень интересно. Какая прелесть! А где это выходит?

– Подарю Вам одну из энциклопедий. Только она содержит... гм-гм... обценные, как говорят ученые, выражения. Ведь молодежный сленг весь замешан на «ненормативке»... Есть очень много и переделок песен, пословиц, приговорок: «С миру по Шнитке – голому рубаха», «Лучше Познер, чем никогда», «Я спросил у Язова, где моя любимая»...

– Очень интересно. Это тот язык, который не входит в обычные казенные словари – будь то молодежная лексика или уголовный жаргон. У меня был покойный друг Володя Бахтин. Он занимался городским фольклором, собирал выкрики на стадионах, детские считалки, надписи на стенах...

– Ну, эти настенные апокрифы – наше все! По надписям на стенах кафе московского Дома литераторов можно, пожалуй, проследить историю советской литературы!.. А воспоминания для себя Вы сейчас не пишете?

– Для себя пишу. Но это, к сожалению, самый трудный жанр, потому что вранье неизбежно: всегда хочется себя выгородить, оправдать, найти какие-то мотивы... Кроме того, есть люди, которых любил, родные... Когда пишешь воспоминания, всегда подстерегает масса ловушек. Воспоминания обычно связаны либо с какими-то забавными историями о ком-то, анекдотами либо с трагическими событиями, о которых человек не может не рассказать (как в книге о Вознесенском). В них совсем пропадает повседневная жизнь, которая проходит мимо. Вот я Вас спрошу: что люди ели после войны? Какую кашу, с чем, какие блюда? Кухня меняется с годами. Вы видели историю стола? Ничего нет! А история цен? Весь наш быт проскальзывает между пальцев.

– Почему же? Сейчас одна за другой выходят книги по истории гастрономии, политической и литературной кулинарии...

– Это специальные издания или художественная литература. В художественной литературе это встречалось: немножко было у Зощенко, немножко у Пантелеймона Романова... Но книг об этом вообще нет!

– «Об этом» – о чем?

– О быте, в котором мы живем.

– Время жанра ушло. К тому же постмодернисты приучили нас к «похоронам русской литературы» и описыванию всего, что над бытом.

– Я вам хочу сказать по этому поводу: однажды я взял большой том Хлебникова и стал его читать. Боже! Зачем это людям? Ну зачем это нужно? Да, Хлебников поэт – для поэтов и он нужен тонкой пленке. Это не для чтения. Так же как Кандинский, Малевич...

– Филонов...

– Нет, Филонова не трогайте! Все эти авангардисты неинтересны. Я сейчас был в Брюсселе на выставке новых авангардистов. Как это холодно! Ничего меня не взволновало, не останавливало. Да, дивишься на человеческую выдумку, на нагромождение деталей, которое должно чего-то там изобразить... Но это не нужно. Это не для потребления. Это избыточность нашей культуры. Нельзя этим заниматься. Грех заниматься этим всерьез. Грех и со стороны художников, и со стороны зрителей, которые воспринимают это всерьез.

– Говорят: скажи человеку сорок раз «свинья», на сорок первый он хрюкнет. Нам

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
уже сорок раз сказали и доказали, что модернизм и постмодернизм –
самодостаточное явление в искусстве. Остается только хрюкать!

– То же самое относится к современному авангарду в поэзии и прозе. Это все
неинтересно! Ну кто сейчас будет читать того же самого Крученых или Бурлюка? Это
интересно только историкам литературы, литературоведам (ведающим литературой
людям), которые хотят найти здесь какие-то связи и что-то находят... Опять же для
кого?

– Вообще-то литературоведам тоже семьи надо кормить...

– Но это нечестно, это непорядочно и перед наукой (она в этом не нуждается), и
перед читателями.

– Положим, Ваш герой в «Зубре» Тимофеев-Ресовский изучал каких-то своих мушек –
и сделал великие открытия!

– Извините! Куда Вы сейчас вошли? Вы вошли в храм Природы – снимите шапку! Как
Вы можете говорить про этих мушек? Это же Природа, бесконечно сложная вещь, ею
можно заниматься всю жизнь. Такой профессор Иванов всю жизнь занимался червями.
Ему говорили: «Как же так? Вы двадцать лет занимаетесь червями. Когда Вы
закончите?..»

– Вам не кажется, что постмодернисты могут со временем повзрослеть и судьба
приведет их к чему-то прочному в искусстве?

– Не знаю. Во-первых, я над этим не задумывался: они мне просто неинтересны. Я
не хочу сказать, что это мусор, но это все несъедобно.

– Философ говорил: если человек до 25 лет не ходит в революционерах, это дурак,
если после 25 он не становится консерватором, это бездушный дурак.

– Неужели история нашего авангарда ничему не учит? Когда я смотрю Сальвадора
Дали, я восхищаюсь и радуюсь фантазии его картин. Его сюрреализм удивляет. А
мусор авангардистов ничего не дает, ничем не удивляет, не волнует... Нельзя этим
заниматься. Это греховное дело.

– Вам не хотелось об этом написать? Ведь Вы сейчас говорите как о давно и долго
продуманном...

– Надо было бы о многом написать. Вот я сегодня говорил нашим архитекторам: «Что
вы так умиляетесь нашим ленинградским церквям и соборам?!» Вот во Флоренции или
Падуе у меня была изжога от обильного количества великолепных церквей. Мы же до
сих пор не можем, не хотим или боимся признаться, что мы глухая провинция,
ничего особенного мировому искусству не дали. У нас живопись появилась только в
начале XX века – Марк Шагал, Григорьев, отчасти Малевич. А до этого не было
никакой живописи!

– А классицисты, передвижники, Левицкий, Брюллов?..

– Смешно! Это все смешно. У нас не было никакой музыки. Музыка появилась только
с Чайковским. Ничего не было! Мы очень мало что успели сделать для мировой
культуры. Литература – да! Деятнадцатый век был. А всего остального не было.
Кино? Ну что такое было наше кино? Несколько шедевров, и все! Что такое наша
архитектура – да ничего.

– «Наша» – это какая? Двадцатого века или девятнадцатого?

– В девятнадцатом, может быть, был какой-то модернизм. А вообще, ничего не было
в нашей архитектуре, кроме деревянных церквей. Какие здания мы можем выставить
для мира?

– Ну и что Вам в ответ сказали архитекторы, которым Вы все это говорили?

– Ничего! Они согласились... Понимаете, нам не хватает смиренности. Мы все время
обязательно хотим себе доказать: мы не хуже вас! Мы не хуже Италии. А что мы
против Италии? Мы не хуже Франции, Англии... Сделали Казанский собор – это,
знаете, недостроенная копия собора Святого Петра. Лучшая архитектура, которая

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru есть в Петербурге, это Нева. Мы сделали ее архитектурным шедевром. Остальное все до нас сделал Господь Бог.

– И все-таки, Даниил Александрович, мы приезжаем в Петербург из Первопрестольной – и окунаемся в необъяснимое обаяние Северной Пальмиры... Туманы, набережные, деревья на канале Грибоедова, похожие на хрустальные рюмочки...

– Это потому, что наш город резко отличается от всей остальной России. Мы входим в него, словно вошли в сауну: хорошо! Но на самом деле, если посмотреть: ну что такое Петербург по сравнению с Флоренцией?!

– Ну Вы и взяли точку отсчета – Флоренцию!

– А что же? Мы ведь думаем, Петербург – самый красивый город в мире...

– Для россиян – да.

– Надо, понимаете, планку соотносить с мировой планкой. Мы уже имеем право на такое соотношение. Когда мы жили за «железным занавесом», то, конечно, думали: мы первые!

– Может быть, все дело в том, что мы только сейчас получили возможность соотносить себя с мировыми стандартами?

– И возможностью этой мы не пользуемся. Мы продолжаем жить очень чванливо.

– А как же быть с нашими формулами: «Национальная гордость великороссов», «У советских собственная гордость...»?

– Во-первых, «советских» нет...

– Остались, Даниил Александрович, остались...

– Во-вторых, национальная гордость имеет гораздо меньшую ценность, чем гордость человека за все то, что сделано в мире.

– Вот Вы пойдете к какому-нибудь лидеру русофильского движения, а я посмотрю на Вас, как он будет соглашаться с Вами...

– Во-первых, я и не пойду!

– Ну ладно, не пойдете, а просто скажете ему о своих размышлениях...

– Ну скажу, ну и что! Пожалуйста!

– Он Вас сразу в сатаны или космополиты зачислит, хотя Вы ему о смирении будете говорить!

– Я Вам говорю это сейчас. Можете со мной не соглашаться.

– Об этом сейчас думают многие, но никто не озвучивает. По-особому понятый патриотизм мешает.

– Важно сказать. Чтобы подобные мысли прорастали у людей. Я патриот Петербурга. Я его защищал во время войны. Я его восстанавливал... Но когда говорят: «Этот город – столица мировой культуры...» Что за чепуха? Этого не надо Петербургу. Мы не имеем права так говорить. Пусть те, кто к нам приезжает, так говорят. А мы должны думать о том, как мы еще мало сделали, как мы плохо делаем, какие у нас еще ужасные окраины, как плохо мы используем замечательный ландшафт, который нам достался...

Беседу вел корреспондент «Родной газеты»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Публицистика. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!